

АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В ПОСТСОВЕТСКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

УДК 378

DOI: 10.17223/2312461X/21/6

АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ. ОПЫТ ОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Татьяна Борисовна Смирнова

Аннотация. В статье на примере опыта, накопленного в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского, обсуждаются проблемы открытия и реализации в российских университетах специальностей и направлений подготовки антропологов и этнологов, образовательных стандартов по антропологии и этнологии.

Ключевые слова: социальная антропология, этнология, этнография, образование, государственные образовательные стандарты, образовательные программы, учебный план

Хроника «открытий»

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского пережил целый ряд «открытий» подготовки антропологов и этнологов, пока, наконец, направления подготовки 46.03.03 и 46.04.03 «Антропология и этнология» не были лицензированы и аккредитованы. Каждое из пережитых нами открытий – это бесценный опыт путешествия по суровому и непредсказуемому морю российского образования.

Чтобы лучше понять контекст этих «открытий», позволю себе несколько слов об истории этнологии в Омске.

С 1974 г., с момента основания Омского государственного университета, здесь ведется подготовка этнографов. Начало омской этнографии связано с Николаем Аркадьевичем Томиловым, который переехал

* В этом номере мы продолжаем публикацию докладов, прозвучавших 25–26 сентября 2017 г. в Томске на международном методологическом семинаре «Антропология и этнология в современном мире: тренды в теории, практике и образовании», посвященном анализу проблем академического развития и преподавания антропологии в постсоветском пространстве. Первую подборку публикаций см. в журнале «Сибирские исторические исследования». 2018. № 1. – *Прим. ред.*

в Омск из Томска, из Томского государственного университета, по весьма прозаической причине – в Омске молодым преподавателям давали жилье. Сменив комнату в общежитии на четырехкомнатную квартиру, Николай Аркадьевич не изменил томским традициям, поехав, в первый же месяц своего пребывания в Омске, в экспедицию, и создав университетский этнографический музей. С этого момента, с 1974 г., началась специализация студентов по этнографии на историческом факультете в рамках подготовки историков.

В 1985 г. на историческом факультете была создана кафедра с многокомпонентным наименованием, включавшим, тем не менее, и слово «этнография»: она называлась кафедра этнографии, историографии и источниковедения истории СССР. Н.А. Томилов стал заведующим кафедрой, которая несколько раз меняла свое название в результате факультетских пертурбаций (кафедра этнографии и современной отечественной истории, кафедра этнографии и музееведения), сейчас он является заведующим кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музееологии. Название тоже непростое, но принципиальным всегда было наличие в этом названии этнографии / этнологии, и всегда – на первом месте.

Столь же принципиальным было и проведение полевых студенческих практик. Первый курс студентов-историков делился на две половины, одна ехала на археологическую практику, другая – на этнографическую. Этнографическая практика проводилась «по народам», формировались «русский», «татарский», «немецкий», «казахский», «украинский» и другие отряды, существовала традиция съезжаться всем отрядам вместе 17 июля для празднования Дня этнографа. Значительная часть студентов, прошедших такое полевое крещение, оставалась специализироваться на кафедре. Все они, как правило, ежегодно выезжали в экспедиции. Поскольку курсы тогда были многочисленные – от 50 до 75 бюджетных студентов, то специализирующихся по этнографии всегда было много.

Веселая стабильность и относительная безмятежность нашего существования в рамках этнографической специализации историков была нарушена в 1996 г., когда был утвержден государственный стандарт (ГОС) 020500 Социальная антропология. Легкое беспокойство по поводу того, что «кто-нибудь перейдет наши поля», переросло в 2000 г., когда был утвержден ГОС-2 под шифром 350100 Социальная антропология, в твердую уверенность, что «политологи с культурологами все захватят». Стало ясно, что антропологию нужно открывать, потому что если ее не откроем мы, то это сделают в университете другие, поскольку в то время новые направления подготовки лицензировались в массовом порядке, так как требования к реализации были не слишком высокими, а жить хотелось всем. В 2002 г. мы лицензировали эту специ-

альность. Несмотря на то, что все планы, программы и даже учебники были готовы, начать реализацию этой образовательной программы мы так и не смогли. Проблема заключалась в отсутствии бюджетных мест. Думаю, что мы совершили ошибку, открывая эту специальность на историческом факультете, потому что стандарт разрабатывался социологами. Если бы специальность была открыта на кафедре социологии, наши коллеги-социологи не рассматривали бы нас как конкурентов и, возможно, поделились бы бюджетными местами, которых на социальные специальности всегда давали больше, чем на гуманитарные. Историки нас так за своих и не приняли, в ректорате разводили руками, приемная комиссия смотрела волком, потому что «хлопот много, а толку мало», поэтому мы ежегодно оставались без бюджетных мест. К тому же уже тогда возникло опасение (которое сейчас подтверждается) в том, что, открыв собственное направление, мы можем лишиться специализации по этнографии в рамках истории.

Специальность была открыта, ежегодно происходило небольшое сражение по поводу бюджетных мест, мест этих не давали, экзотические абитуриенты, пожелавшие изучать социальную антропологию на коммерческой основе, распахивались приемной комиссией по смежным факультетам, дабы не плодить нерентабельные группы, – и так продолжалось несколько лет, пока социальная антропология не была заменена в новом классификаторе на новое направление подготовки «Антропология и этнология», и не ушла тихо в связи с этим из лицензии вуза.

Открыв социальную антропологию, мы вошли в Учебно-методическое объединение (УМО) по образованию в области социологии и социальной антропологии, которое возглавлял В.И. Добренков. Его заместителем была Л.Г. Костюченко, которая искренне переживала за наши «ненаборы» и была готова оказать любую помощь.

Приношу извинения за довольно длинное описание нашей неудавшейся попытки начать готовить социальных антропологов по социологическому стандарту, но все эти хождения по мукам – это иллюстрация состояния нашего образования по антропологии и этнологии. Неразберика и переходы от одного стандарта к другому (в данный момент, например, происходит очередной переход на федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО) «с двумя плюсами») продолжают до сих пор, и стало даже хуже в связи с оптимизацией университетов, поэтому неудивительно, что лицензировать «Антропологию и этнологию» смогли только самые упорные.

В начале 2000-х гг., после вступления России в Болонский процесс, начал осуществляться переход на двухуровневую систему образования. Во время переходного периода в Омском университете существовало одновременно несколько возможностей подготовки этнологов: специалитет по истории, специалитет по социальной антрополо-

гии, бакалавриат по истории (все – со специализацией по этнологии), в 2006 г. была лицензирована магистратура по истории, в 2007 г. состоялся первый набор на магистерскую программу по истории, с профилем «Этнология». Желаящих поступить в магистратуру было достаточно, потому что с переходом на двухуровневую систему поползли слухи, что на руководящих должностях можно будет работать только с дипломом магистра. Поскольку спрос был, то в 2009 г. на кафедре была открыта еще одна магистерская программа, которая называлась «История культуры», наполнение которой было в значительной степени этнологическим.

В 2013 г. на кафедре были лицензированы бакалавриат и магистратура по новым стандартам: 032400.62 и 032400.68 «Антропология и этнология». В 2014 г. мы набрали первых бакалавров и магистров по этим новым стандартам. Тогда выделение контрольных цифр приема проходило не по укрупненным группам специальностей и направлений подготовки (УГСН), как сейчас, а по всем направлениям подготовки раздельно. Благодаря тому, что В.А. Тишков провел тогда в Министерстве образования и науки России блестящую операцию по выделению бюджетных мест для антропологов, в 2014 г. мы получили 15 мест. Спасибо Валерию Александровичу за это.

В 2014–2015 гг. произошел переход на ФГОС ВО, на которые перевели всех уже обучавшихся по прежним стандартам студентов. В настоящее время на кафедре по направлению подготовки 46.03.03 «Антропология и этнология (бакалавриат)» обучается 58 человек (из них шесть – на коммерческой основе), по направлению подготовки 46.04.03 «Антропология и этнология (магистратура)» – 15 человек на очной форме обучения, двое – на заочной форме обучения. Три человека обучается в аспирантуре (на плановом месте только один) на очной и четыре человека – на заочной форме обучения. Продолжается реализация профиля в магистратуре, по направлению подготовки 46.04.01 «История», профиль называется «История культуры народов мира». Сейчас на нем обучается 13 человек на очной форме обучения и 8 – на заочной. Есть профиль «Археология и этнология» внутри бакалавриата по истории, но количество этнографов там мизерное.

Контрольные цифры приема на 2018/19 учебный год составляют: на бакалавриат – 10 человек, в магистратуру по Антропологии и этнологии – 8 (плюс 6 мест на заочное отделение), по Истории культуры народов мира – 6 человек. На 2019/20 учебный год на бакалавриат выделено мест столько же, сколько и в этом году (31 место на всю укрупненную группу, на три направления), а на магистратуру места резко сократились, ровно в три раза: вместо 45 мест в этом году мы получили 15 на все три направления (на историю, антропологию и документо-

ведение). Хотя в целом на федеральном уровне количество бюджетных мест в магистратуру на укрупненную группу по истории снизилось на 23% (по очной форме обучения с 1272 мест в 2018 г. до 978 мест в 2019 г.), в нашем университете это снижение составило 66%. Не повезло. Такое же снижение произошло на федеральном уровне по очно-заочной (с 37 до 22 мест) и заочной формам обучения (с 534 до 279 мест), но эти формы при выделении ресурсов почти не играют никакой роли, так как расчет ставок по заочной форме обучения производится как 1 преподаватель на 120 обучающихся. Приведенные выше данные относятся, повторимся, ко всей укрупненной группе, в которой антропологам и раньше доставалось не слишком много бюджетных мест. Можно предположить, что в 2019 г. магистратура у антропологов «пострадает» во всех университетах, потому что историки будут стремиться сохранить свои бюджетные места. Ситуация с местами на бакалавриат немного лучше (было 686 мест в 2018 г. по очной форме обучения на федеральном уровне, в 2019 г. стало 746 мест), но это не решает всех проблем. Тенденция к сокращению бюджетных мест на Антропологию и этнологию очевидна. И это при том, что лицензировано наше направление подготовки в очень малом числе вузов. Получается, что мы и специализацию внутри истории теряем, и самостоятельно не можем стабильное количество антропологов и этнологов обучать.

Образовательная программа. Направленность. Специфика

Образовательная программа уровня бакалавриата, которая реализуется в настоящее время в нашем университете, разрабатывалась с учетом нескольких принципов. Во-первых, это универсальность образования антрополога и этнолога. Поскольку сам образовательный стандарт предполагал великое множество будущих профессиональных траекторий, нам хотелось дать образование, пригодное для многих целей. Омск – это не столица, и, хотя наш город миллионный, рынок труда здесь имеет свою специфику: нефтехимия, оборонная промышленность, приборостроение, строительство, аграрный сектор. Инженеры еще как-то востребованы, а с гуманитариями сложнее. В «тучные» годы были филиалы академических структур, которые в период оптимизации науки остались живы, но речи о расширении и трудоустройстве в них молодежи, конечно, нет. Поэтому при разработке образовательной программы мы исходили из того, что наши выпускники будут работать в самых разных местах, там, где смогут устроиться, поэтому они должны получить разнообразные знания и уметь выполнять разные функции.

Вторая задача, которая стояла перед нами и которая была не менее значима, чем подготовка специалистов для региона, – это сохранение коллектива кафедры, сохранение самой кафедры, сохранение в названии кафедры слов этнография / этнология, сбережение того, что было создано за 20–25 лет нашей совместной работы, сохранение традиций и передача их молодым поколениям. Эта, можно так сказать, даже не задача, а миссия вылилась в появлении в образовательной программе большого блока научно-исследовательской работы, а в учебном плане – дисциплин, связанных с научными интересами преподавателей кафедры. В условиях пережитого нашим образованием тотального объединения университетов, их ранжирования, замены факультетов на департаменты, объединения кафедр до масштабов монстров или полная их ликвидация, сохранение кафедры этнологии в не самом большом университете, не имеющем статуса национально-исследовательского, это, в общем, наша победа. И когда нас спрашивают коллеги, работавшие когда-то на кафедрах этнографии, существовавших, хоть и не во множестве, но все же в достаточном количестве, в прежние времена, как нам это удалось, наш ответ – «мы боролись».

Еще один принцип, действовавший при разработке программы бакалавриата по антропологии и этнологии, – это связь с историей, с подготовкой историков. Во-первых, мы выросли на историческом факультете, в рамках специализации по этнографии, и такой путь в профессию этнолога и антрополога нам представлялся естественным. Во-вторых, направление подготовки по антропологии вошло в укрупненную группу «История и археология», поэтому формальные основания тесной связи с исторической наукой также имелись. В-третьих, мы предполагали, что часть наших выпускников пойдет работать в колледж или школу (поэтому один из профилей у нас – педагогический), а какой предмет они смогут преподавать в школе? Конечно, историю. Поэтому в нашем учебном плане довольно много исторических дисциплин (история России, всеобщая история – от первобытного общества до новейшей, история культуры). К тому же на нашем историческом факультете, несмотря на его провинциальное местонахождение, сложилось несколько замечательных научных школ (например, историографов под руководством В.П. Корзун, историков культуры под руководством В.Г. Рыженко, историков Сибири под руководством А.П. Толочко, не говоря уже об учениках ученого с мировым именем, профессора А.В. Ремнева). Грех было не воспользоваться таким ресурсом, и не учить наших студентов истории.

Все перечисленные выше обстоятельства привели к тому, что учебный план бакалавров получился очень разнообразным: помимо обязательных дисциплин, в нем имеется довольно большой блок региональной этнографии / этнологии, блок по основам субдисциплин (этнодемо-

графии, этносоциологии, этнопсихологии и др.) – как мостик в магистратуру, дисциплины по физической антропологии, археологии и музеологии (в состав нашей кафедры влились кафедры оптимизированных археологов и музеологов). Плюс два иностранных языка. Плюс авторские курсы в соответствии с научными интересами преподавателей, вроде этнической истории (Н.А. Томилов), ислама в России (А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева), культуры русских (М.Л. Бережнова), антропологии детства (А.Н. Блинова), генеалогии (С.Н. Корусенко), современных миграций и конфликтологии (Т.Б. Смирнова). В этой связи приходилось слышать от коллег из других вузов упрек в том, что наш учебный план представляет собой «пеструю кучу», «винегрет» и т.п. Повторимся еще раз, наш отказ от какого-либо конкретного профиля и универсальность образовательной программы – это сознательный выбор, продиктованный обстоятельствами развития образования в нашем регионе (да и в стране в целом), и возможностями трудоустройства наших выпускников. Поэтому ничего случайного в нашей образовательной программе нет. Ну, может, за исключением одной-двух действительно случайных дисциплин, которые уже никто и не вспомнит, как появились в учебном плане.

Магистерская программа, как я упомянула выше, начала реализовываться намного раньше, чем бакалавриат. Первые магистерские программы открывались еще тогда, когда в ГОС-2 был довольно большой перечень обязательных дисциплин. Первоначально магистерская программа называлась просто «Этнология», затем, по примеру РГГУ, мы разработали программу «Этнология и ее субдисциплины». В настоящее время, как нам кажется, этот профиль перестал быть актуальным, поэтому мы готовим новую магистерскую программу, направленность которой связана с государственной национальной политикой, экспертной и аналитической деятельностью антропологов и этнологов.

Предметная область и связь с другими направлениями подготовки

В федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования область профессиональной деятельности антропологов и этнологов обозначена очень широко; в п. 4.2 действующего стандарта написано, что объектами профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу бакалавриата, являются: человек и общество в культурном многообразии; процессы межкультурной коммуникации в условиях глобализации современного мира; развитие культур мира; биологическая природа человека в разных культурах; универсальные эволюционно-биологические аспекты поведения человека (этология человека); миграционные процессы, современные эт-

нические и этноконфессиональные процессы; государственная национальная политика, этнонациональные и федеративные отношения; этнические конфликты, национализм, ксенофобия и экстремизм; права этнических и религиозных меньшинств; пол и возраст в различных культурах; развитие и современные формы власти; вариативные формы духовной жизни человека; этика и этикет в разных культурах (Федеральный... 2014). ФГОС ВО уровня магистратуры дополнительно включает следующие объекты: организация социальной жизни в различных сообществах; современные межнациональные сети (Федеральный... 2015).

Очевидным является пересечение предметного поля антропологии и этнологии с политологией, социологией, культурологией, религиоведением, биологией, демографией и некоторыми иными направлениями подготовки. Не буду давать оценку этому явлению, об этом не раз и хорошо писали многие, например, академик В.А. Тишков (Тишков 2016). Также не стану говорить о том, что наше поле захватили все, кому не лень, в первую очередь отставные партийные историки. Но посмотрим на ситуацию с обратной стороны – преподавателей нашей кафедры как профессионалов в сфере антропологии и этнологии приглашают читать профильные дисциплины на другие направления подготовки. В последнее время, в связи с ограниченными ресурсами, это происходит реже, чем несколько лет назад, но все же мы ведем курсы у социологов, культурологов, политологов, на факультете культуры и искусств и на международных отношениях. Без наших преподавателей не обходится ни одно повышение квалификации в сфере государственной национальной политики. В свою очередь, для чтения курсов у нас приглашаются профессионалы из смежных областей. Ничего кроме пользы от такого взаимного обмена мы не видим. Конечно, в условиях дефицита ставок, всегда есть соблазн отдать дисциплину своему преподавателю, пусть менее квалифицированному, но своему, или, вообще переписать учебный план «под своих», но путь этот тупиковый. В условиях такого широкого предметного поля обязательно нужно приглашать профессионалов из смежных областей, не замыкаться и не отгораживаться.

Преподаватели и студенты

Многие преподаватели нашей кафедры работают по совместительству в научных учреждениях – в омском филиале Института археологии и этнографии СО РАН и Сибирском филиале российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. Совместительство, работа в научных учреждениях, вообще – опыт работы вне стен университета, дает преподавателю ве-

сомые преимущества (все-таки есть практика, больше возможностей заниматься научными исследованиями и публиковаться).

Студенты, выпускавшиеся до того, как была начата реализация бакалавриата и магистратуры по направлению подготовки «Антропология и этнология», учились и трудоустраивались по той же траектории, что и историки, в рамках специализации по этнографии / этнологии. В этом году мы выпускаем и очередных магистров, и первых бакалавров. Опыт работы с ними позволяет утверждать, что те студенты, которые поступают на бакалавриат, не слишком хорошо представляют себе и содержание обучения, и будущую профессию. Выбор «Антропологии и этнологии» при поступлении, за редким исключением тех, кто как-либо соприкасался с нашей наукой через дополнительное образование или личные контакты, во многом случаен. Ведь в школе ни антропология, ни этнология не изучаются. Большинству наших абитуриентов не хватило баллов для поступления на юридические и другие престижные направления подготовки, поэтому они поступили туда, где были бюджетные места и более низкий конкурс.

В процессе учебы студенты увлекаются, все говорят, что учиться очень интересно, тревожит одно – непонятно, где можно работать по специальности после окончания университета. Наши рассказы о том, что за рубежом антропологи работают повсюду, от мелких фирм до крупных корпораций, никак не подтверждаются российской практикой. Поэтому после окончания бакалавриата больше половины студентов идет в магистратуру, чтобы получить более высокий уровень квалификации и возможность преподавать. Неопределенные перспективы трудоустройства представляют собой одну из главных проблем подготовки антропологов. К сожалению, профессия антрополога и / или этнолога в нашей стране пока отсутствует.

Заключение

Реализация направления подготовки «Антропология и этнология» идет с большими трудностями, во всяком случае в обычных, не столичных университетах. Среди причин этих трудностей – отсутствие самостоятельности, долгое пребывание этнологии внутри истории в качестве исторической субдисциплины, разработка стандарта по социальной антропологии социологами, и провал попыток реализовать этот стандарт, объединение антропологов в одну укрупненную группу специальностей и направлений подготовки (УГСН) с историками и документоведами, с которыми приходится делить бюджетные места. Положительным является появление самостоятельного направления подготовки антропологов, которое, хочется надеяться, пройдя через этап ста-

новления, займет все же достойное место в системе российского образования.

Главной проблемой сейчас, на мой взгляд, является уменьшение или отсутствие бюджетных мест, выделяемых на «Антропологию и этнологию». Исходя из этого, главной задачей, которую необходимо решить в самое ближайшее время, должно стать увеличение контрольных цифр приема, а в связи с этим – придание нашей профессиональной ассоциации статуса центра ответственности, поскольку именно с центрами ответственности, по действующим правилам, происходит согласование количества бюджетных мест, выделяемых университетам. Профессиональные ассоциации играют большую роль в процедуре аккредитации направлений подготовки, и роль таких ассоциаций в развитии высшего образования, очевидно, будет лишь возрастать. Полагаю, что Ассоциация антропологов и этнологов России должна более активно заниматься проблемами вузовского антропологического образования.

Литература

- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 46.03.03 Антропология и этнология (уровень бакалавриата) // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. М., 2014. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/460303_Antropologia_i_etnologia.pdf (дата обращения: 10.05.2018).
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 46.04.03 Антропология и этнология (уровень магистратуры) // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. М., 2015. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/460403.pdf> (дата обращения: 10.05.2018).
- Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5–22.

Статья поступила в редакцию 22 мая 2018 г.

Smirnova Tatiana B.

ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY AT OMSK STATE UNIVERSITY

DOI: 10.17223/2312461X/21/6

Abstract. Based on the case of Dostoevsky Omsk State University, the article discusses the issues of launching and implementing courses and subject areas to educate anthropologists and ethnologists at Russian universities, as well as educational standards on anthropology and ethnology.

Keywords: social anthropology, ethnology, ethnography, education, national educational standards, educational programme, curriculum

References

- Tishkov V.A. Ot etnosa k etnichnosti i posle [From ethnos to ethnicity and beyond], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 5, pp. 5-22.

- Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniia po napravleniiu podgotovki 46.03.03 Antropologiya i etnologiya (uroven' bakalavriata) [Federal state educational standard of higher education on the subject area 46.03.03 'Anthropology and Ethnology' (bachelor's degree)], *Portal federal'nyh gosudarstvennyh obrazovatel'nyh standartov vysshego obrazovaniia* [The portal of Federal state educational standards of higher education]. Moscow, 2014. Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/460303_Antropologia_i_etnologia.pdf (Accessed 10 May 2018).
- Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniia po napravleniiu podgotovki 46.04.03 Antropologiya i etnologiya (uroven' magistratury) [Federal state educational standard of higher education on the subject area 46.04.03 'Anthropology and Ethnology' (Master's degree)], *Portal federal'nyh gosudarstvennyh obrazovatel'nyh standartov vysshego obrazovaniia* [The portal of Federal state educational standards of higher education]. Moscow, 2015. Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/460403.pdf> (Accessed 10 May 2018).